

ПОСЛАНИЯ «ГРЕШНОГО АГАФНИКА» И ПУБЛИЦИСТИКА РЕВНИТЕЛЕЙ ДРЕВЛЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ: К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ

Время правления царя Алексея Михайловича еще проникнуто средневековым этикетом, определяющим все стороны жизни человека, но именно попытки вписаться в этикетные формулы и предписания приводили иногда к появлению новаций — предвестников грядущих перемен в культурном коде Московской Руси. Это убедительно показала Е. В. Душечкина в одной из первых своих работ на материале придворной церемониальной жизни, отраженной в литературном творчестве государя¹.

Человеком, оказавшим огромное влияние на становление личности молодого царя, стал протопоп кремлевского Благовещенского собора, духовный отец Алексея Михайловича Стефан Внифатьев (сентябрь 1645 — начало 1656)². Его наставления определили религиозность царя, стремление к церковному благочинию и устройению, любовь Алексея Михайловича к знанию и книжному чтению. Достоверно сохранившиеся сведения о царском духовнике немногочисленны, относятся именно к московскому периоду его жизни и касаются прежде всего той важной роли, которую он играл в движении ревнителей благочестия, возглавляя его и определяя московские деяния боголюбцев³. Уже Н. Ф. Каптеревым были сделаны замечания о поддержке

¹ Душечкина Е. В. 1) Статейный список 1652 года как литературный памятник // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1975. Вып. 369. Труды по славянской филологии. XXVI. Литературоведение. С. 3–18; 2) Алексей Михайлович как писатель // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 184–188; переизд.: Алексей Михайлович Романов: pro et contra, антология. СПб., 2015. С. 659–679.

² Историографическая традиция написания фамилии царского духовника не отличается единообразием, что демонстрируют и названия работ, упоминаемых в данной статье. Мы называем фамилию именно в том варианте, который записан самим Стефаном Внифатьевым, в том числе и во вновь найденных источниках, см.: *Белякин Ю. С.* Неизвестный автограф Стефана Внифатьева // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума). М., 2020. С. 68–77; см. также: *От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества. Каталог выставки / Науч. ред. и сост. Е. М. Юхименко.* М., 2021. Кат. 5. С. 55–56.

³ *Каптерев Н. Ф.* 1) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. С. 102–160; 2) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 31–105; *Ромодановская Е. К.* Стефан Внифатьев // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: II–С. С. 500–503; *Макарий (Веретенников), архим.* Внифатьев Стефан // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 323–325; *Румянцева В. С.* 1) Кружок Стефана Внифатьева // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 178–189; 2) Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37–52.

молодым царем Стефана Внифантьева и его сподвижников в вопросах церковного благочиния, особенно в полемике с патриархом Иосифом о единогласном пении в церковной службе. Именно Стефаном Внифантьевым, согласно мнению большинства исследователей⁴, фактически осуществлялся надзор за деятельностью московского Печатного двора в последние годы патриаршества Иосифа, пребывавшего уже в почтенном возрасте. Последние разыскания показывают, что в этот период здесь при патронаже царского духовника и приближенных к нему светских лиц из придворного клана не только осуществлялись издания и переиздания текстов, восходящих к юго-западнорусской рукописной и печатной традиции, но и публиковались специально подготовленные к печати статьи, отражающие позицию ревнителей благочестия. В частности, два таких текста «О целовании икон» и «О церковном благочинии и единогласии» были напечатаны в качестве предисловий к московскому изданию Октоиха 1649 г.⁵

Незаурядность личности царского духовника, его начитанность и книжность, его активное участие в придворной духовной и культурной жизни и его непосредственные связи с нижегородскими и московскими участниками движения ревнителей благочестия послужили основанием для гипотезы об атрибуции Стефану Внифантьеву посланий, подписанных «грешным Агафоником» и выражающих идеи и чаяния ревнителей благочестия. Это мнение было высказано Н. Ф. Каптеревым и впоследствии получило довольно широкую поддержку исследователей⁶. Таким образом, в научной традиции сложилось суждение об использовании царским духовником писательского псевдонима — несомненной редкости и новации в литературной культуре Древней Руси. Именно это обстоятельство до сих пор диктует сомнения в безусловности такой атрибуции, заставляет искать новые аргументы и контраргументы и не позволяет считать вопрос об авторстве Стефана Внифантьева решенным. В частности, отказ от данной гипотезы в новейшей монографии А. С. Лаврова и А. В. Морохина⁷ дает повод вновь обратиться к этой теме.

На сегодняшний день известно три послания, подписанных «грешным Агафоником»:

⁴ Наиболее полный обзор источников и историографии по этому вопросу см.: *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение. С. 42–52; несогласие с этим мнением, высказанное в новейшей работе (см.: *Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб., 2021. С. 108–117), основано на устаревших сведениях о московском книгопечатании и не содержит достаточной аргументации, см. рецензию: *Савельева Н. В.* История и литературное наследие ревнителей благочестия: Новый взгляд // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2021. № 3. С. 186–187.

⁵ Подробнее об этих текстах см.: *Савельева Н. В.* Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // *Русская литература.* 2021. № 4. С. 65–77.

⁶ *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. С. 90–92; *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37, 60; *Ромодановская Е. К.* 1) Агафоник // *СКИКДР.* Вып. 3 (XVII в.), ч. 1: А-З. С. 48–49; 2) Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // *Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки.* Новосибирск, 1992. С. 58–64; *Турилов А. А.* Агафоник // *Православная энциклопедия.* М., 2000. Т. 1. С. 246.

⁷ *Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия. С. 102–107; здесь же библиография по теме.

1. Послание с изложением основных грамматических правил, адресованное «кир Иакову». Подпись корреспондента помещена в конце текста и записана сложной литореей с грамматической составляющей, связанной с содержанием послания. Н. К. Никольский опубликовал текст по единственному известному списку (РНБ, Соловецкое собр., № 875/985, л. 193–202 об.) и аргументированно датировал его временем не ранее 2 июля 1645 г. Исследователь атрибутировал послание московскому версификатору подьячему Агафону Тимофееву, принимая во внимание редкость этого имени в древнерусском обиходе и учитывая ученость и начитанность корреспондента, а также его связи с кругом справщиков московского Печатного двора⁸.

2. Послание «грешного Агафоника» архиепископу Суздальскому и Тарусскому Серапиону о единогласном пении. Текст издан А. В. Преображенским по рукописи начала XVIII в. ГИМ, Синодальное собр., № 811, л. 267–283 об., он же указал еще один список послания XVII в. — РГБ, ф. 173. III (собр. МДА врем.), № 100, л. 321–341 об., отметив, что разница между ними незначительна⁹. Текст следует датировать 40-ми годами XVII в. (очевидно, не ранее 1645 г.), принимая во внимание время архиепископства Серапиона Суздальского (1634–1653) и учитывая события, связанные с историей единогласия¹⁰. О том, кто может быть автором послания, высказывалось несколько различных мнений; в частности, Н. К. Никольский, усматривая стилистическую общность в посланиях «кир Иакову» и архиепископу Серапиону, предлагал атрибутировать подьячему Агафону Тимофееву оба текста. Но наиболее признанным на сегодняшний день считается мнение о том, что автор послания — Стефан Внифантаев, подписавшийся псевдонимом¹¹.

3. Послание Новгородскому митрополиту (будущему патриарху) Никону о поклонении на восток при чтении псалмов. Единственный список этого послания сохранился в рукописи нач. 50-х гг. XVII в. (РГБ, ф. 218 (собр. ОР), № 180, л. 168–193 об.). Сборник был введен в научный оборот Е. К. Ромодановской, которая предположила, что текст представляет собой черновой автограф Агафоника — Стефана Внифантаева¹². Текст мог быть написан не ранее 11 марта 1649 г., когда Никон был возве-

⁸ Никольский Н. К. Послание Агафоника к кир Иакову по грамматическим вопросам (половины XVII века) // Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 390–400. Эта атрибуция поддержана публикаторами виршевого послания Агафона Тимофеева боярину Борису Ивановичу, см.: Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и комм. В. К. Былинкина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 228–229, 438–439 (серия «Сокровища древнерусской литературы»); здесь же биографические сведения об авторе.

⁹ Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в.: Исторические сведения и письменные памятники. СПб., 1904 (ПДПИ, вып. 155). С. 53–63. О копиях с рукописи Син. 811 см.: Савельева Н. В. О литературном наследии «ревнителей древнего благочестия» // Русская литература. 2022. № 1. С. 161–176.

¹⁰ Ошибочная датировка послания 1634–1637 годами, предложенная А. В. Преображенским, была опровержена В. В. Зеньковским, мнение которого поддержано А. С. Лавровым (см. историю вопроса: *Lavrov A. L'héritage littéraire des «zélateurs de piété» moscovites: mythe ou réalité?* // *Revue des études slaves*. 2008. Т. 79. Fasc. 1–2. P. 76).

¹¹ Наиболее полный обзор мнений об атрибуции послания см.: *Ibid.* P. 80–82.

¹² Ромодановская Е. К. 1) Агафоник. С. 49; 2) Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели. С. 62–63. Это мнение не подтверждается реально дошедшими до нас автографами царского

дён в сан митрополита Новгородского и Великолуцкого Иерусалимским патриархом Паисием, находившимся в Москве.

Эти три послания имеют тематические, стилистические, жанровые и источниковые отличия и дают достаточно веские основания атрибутировать их двум разным авторам¹³.

Послание «кир Иакову» представляет собой ответ на полученный вопрос об основах грамматики, носит личный характер и касается узкой специфической темы. Корреспондент причисляет себя к «чину поучимых» и называет адресата «духовный мой отче», не обнаруживает никаких специальных познаний корреспондента в ведении богослужения и уставной практике. Это позволяет утверждать, что послание, скорее всего, написано мирянином и обращено к его духовнику. Послание известно в одном списке и не имеет никаких оснований для суждения о его публицистическом характере, предпосылок к его редактированию или дальнейшему использованию в литературных трудах. Подпись корреспондента помещена в самом конце текста, имя «Агафоник» записано литореей. Судя по приведенной Н. К. Никольским выписке из Хронографа, сделанной тем же автором и подписанной той же литореей¹⁴, эта подпись представляет собой своеобразный авторский знак корреспондента. Гипотеза Н. К. Никольского о признании автором послания подьячего Агафона Тимофеева вполне допустима, если учесть редкость имени, московское проживание и несомненное наличие некоторой образованности, книжного знания и литературного опыта московского служащего. В то же время следует признать, что каких-либо необратимых аргументов, позволяющих считать эту атрибуцию безусловной, до сих пор не названо.

Совсем иной характер имеют два других послания «грешного Агафоника» — Суздальскому архиепископу Серапиону и Новгородскому митрополиту Никону. Они несомненно написаны одним корреспондентом, хотя и с разницей во времени. Об этом свидетельствуют как общие черты в образе автора, каким он предстает в посланиях, так и определенные жанровые и стилистические приметы текстов. Оба они, хотя и облечены в форму личного послания, относятся к жанру эпистолярной публицистики, что подтверждает не только тема каждого послания, но и дальнейшая рукописная и литературная традиция этих текстов.

Список послания «грешного Агафоника» архиепископу Серапиону в рукописи XVII в. РГБ, собр. МДА 100 не имеет названия, но его самоглавие в списке ГИМ. Синод. 811 («Списание от божественных книг о единогласии церковнем») ясно показывает, что оно воспринималось переписчиками как публицистический текст. В сочинении, облеченном в эпистолярную форму и направленном

духовника, в том числе вновь найденными его записями на книгах; см. примеч. 2; см. также: *Лавров А. С., Морхин А. В.* Ревнители благочестия. С. 107.

¹³ Отметим, что комментаторы виршей Агафона Тимофеева, которым были известны только послания «кир Иакову» и архиепископу Серапиону Суздальскому, признавали возможность принадлежности их разным корреспондентам, см.: *Виршевая поэзия.* С. 439.

¹⁴ *Никольский Н. К.* Послание Агафоника к кир Иакову. С. 391.

конкретному адресату, приведены законодательные и нравственно-богословские доводы в защиту единогласного пения; доказательной базой служат поучения отцов церкви, правила церковного Устава, толкования Иоанна Златоуста на деяния и послания апостолов. Послание Серапиону Суздальскому лежит в начале цепочки текстов, посвященных полемике о единогласном пении, наиболее ярко отразившей противоречия между царем и патриархом Иосифом в вопросах церковного благочиния и завершившейся в 1651 г. законодательным утверждением общего для всей России церковного единогласия. Текст послания повлиял на другие памятники публицистики, посвященные этому вопросу: дословные цитаты из послания вошли в состав выборки «О церковном благочинном пении и о единогласии вкратце от Устава, лист 1, и 2, и 3», напечатанной в московском Октоихе 1649 г., а через посредство этой выборки оказался в составе компиляции о единогласном пении, получившей в исследовательской традиции наименование «Слово о единогласном пении» Шестака Мартемьянова. Все эти сочинения роднит общность выказанных идей, а также общность источников, среди которых не только поучения и толкования византийских авторов, но материалы Стоглава и поучение патриарха Гермогена¹⁵.

Точно такой же характер памятника публицистики, облеченного в форму личного послания, имеет обращение «грешного Агафоника» к митрополиту Никону. Несмотря на внешнее впечатление о традиционности и богословском направлении темы послания — сакрализация востока как места первоизданного Рая (Быт. 2:8) является одним из основных понятий христианства, — его задача состоит в ином, более служебном назначении. Послание посвящено осуждению практики обращения псаломщиков и чтецов к прихожанам (лицом на запад) при чтении отдельных рядовых кафизм на утрене и на вечерне и несоответствия этого обряда практике пения кафизм и прочих псалмов, которые произносятся из центра храма, с обращением к алтарю, т. е. на восток. Требование следовать единообразию в церковном обращении к одной из главнейших книг Писания обосновывается прежде всего апостольским преданием и служением. Таким образом, послание непосредственно связано с идеями ревнителей благочестия; как и в других сочинениях боголюбцев, речь в нем идет о следовании традиции, о сохранении чистоты и непреложности апостольского правила в служебной практике. Судя по многочисленной правке текста специальными кинноварными значками, подобными правке и в других текстах сборника, это не автограф послания, как предполагала Е. К. Ромодановская, а его копия, черновая, подготовленная и размеченная для создания белой копии текста, о чем, в частности, свидетельствуют пропущенные части листов для вставок и указания

¹⁵ Замечания о взаимоотношении текстов и новые сведения о списках сочинений о единогласном пении и их источниках см.: *Савельева Н. В.* 1) Споры о единогласном пении... С. 76–77; 2) О литературном наследии ревнителей древнего благочестия (в печати). Попытка пересмотреть последовательность создания послания «грешного Агафоника» архиепископу Серапиону и компиляции Шестака Мартемьянова без учета опубликованной в Октоихе выборки не имеет достаточной аргументации и не может считаться удачной (см.: *Лавров А. С. Морхин А. В.* Ревнители благочестия... С. 42–45).

писцу на источники, из которых должны быть выбраны тексты для аргументации, обозначенные в послании.

Так же, как и послание архиепископу Серапиону, обращение к митрополиту Никону послужило основой для другого памятника, до сих пор не обращавшего на себя внимания исследователей. Этот текст имеет название «О псалмѣх из Псалтыри, которые во святых Божиих церквах в молениих глаголются на восток, и к святым образом Спаса Христа Бога нашего, и Пречистыя Богородицы, и всех святых», он сохранился в двух списках конца XVII в. (РНБ, Q.I. 1101, л. 37–43 об. и ГИМ, собр. Уварова, № 152–4^о, л. 98–103 об.) в окружении других памятников публицистики ревнителей благочестия. Это сочинение представляет собой выборку из послания «грешного Агафоника» митрополиту Никону, лишенную всех признаков эпистолярного жанра, эмоциональных реплик и всех примет личностного начала; отдельные авторские реплики-связки между цитатами, которые сохранились в выборке, обезличены и имеют чисто декларативный характер. Компиляция состоит из дословно совпадающих с посланием фрагментов уставного характера и представляет собой свод основных доводов о недопустимости пения псалмов, обратившись лицом на запад, и необходимости придерживаться единого правила для пения псалмов в служебной практике¹⁶. Достоверное назначение этой выборки не известно, но следует отметить, что по стилистике, принципам изложения материала и своему рекомендательному характеру она очень близка двум другим компиляциям, созданным на основе более пространственных текстов боголюбцев — статьям «О целовании икон» и «О церковном благочинном пѣнии и о единогласии...», напечатанным в московском Октоихе 1649 г.

Общие черты, отличные от характеристики автора послания «кир Иакову», можно отметить в сложившемся на основании этих двух посланий образе корреспондента. Их автор одинаково демонстрирует практическое знание церковной службы и устава, что свидетельствует о его священническом сане. Оба текста содержат эмоциональные обращения к адресатам, которые одинаково называются «святым владыкой». Характер этих обращений, хотя и отвечает требованиям эпистолярного этикета, позволяет предполагать достаточно близкие, доверительные отношения корреспондента и его адресатов. Духовное лицо, каким предстает автор посланий, живет в Москве и имеет достаточно высокий статус; он обращается к стоящему выше себя владыке не с просьбой и молением, но «с дерзновением» и «с учением», за которые этикетно просит о прощении:

«Вѣдая твое, святителю Божий, ко мне, нищему, милостивное нрава челоуѣколюбнаго, дерзнух извѣстити и в память ти привести, да не молчанием слова сицевое бесчиние во святых Божиих церквах прикрывемо будет» (Послание к архиепископу Серапиону. РГБ, МДА 100, л. 341 об.).

¹⁶ Подробнее об этом тексте и его источнике см.: *Савельева Н. В.* О литературном наследии «ревнителей древнего благочестия».

«Прости мя, святителю Божий, просяща и моляща святительству твоему воспоминаючи, не учительский ми сан на ся привлекающе, ниже в разумѣ грубости моя и невѣдения гордостию возноситься, не буди то, но да истины извѣщение тебѣ, святителю Божию, яко ми мнится, от Божественных же писаний, а не от моего любомнѣния явлено будет» (Послание к митрополиту Никону. РГБ, ОР 180, л. 169 об.–170).

В послании к митрополиту Никону высокий статус корреспондента конкетизируется: автор обращается в верховных кругах духовной и светской власти, он ссылается на «самовидение» греческого патриаршего служения в Москве и на личное общение с греческими священниками и патриархом Паисием:

«А восточнии людие вси Псалтырь чтут на восток лицом и ко образу Спаса Христа Бога нашего, якоже мнози достовѣрнии свидѣтели кажут. Паче же видѣх сам своима очима, и о сем послѣжде повѣдано будет...». «Что же, святыи владыко, имамы рещи и противу Паисии патриарха Иеросалимскаго, яко сей, егда божественныя службы совершаше, и вечерню, и заутреню, и сему мы самослышателие и самовидителие есмы, и у него в церкви Псалтырь на утрени и на вечерни священники говорили лицом на восток и ко образу Спаса Христа. И всѣм нам тако повелѣвал. И посему у нас творится противно святыи восточней иерусалимской церкви, и вся греческия земли церкви, и константинопольския, и александрийския, и антиохийския, и святогорских, и Малыя Росии, и болгарских, и сербских, якоже от достовѣрнейших свидѣтелей слышахом и извѣстихомся, иже сами тамо пожиша и своима очима видѣша, нежеле слышаша ушима. Паче же со многими епископы греческими бесѣдовахом мы и братия наша...» (РГБ, ОР 180, л. 172, 179–179 об.).¹⁷

Явно выраженная здесь прогреческая позиция корреспондента согласуется с позицией, отраженной в памятниках публицистики ревнителей благочестия: апелляция к опыту других православных церквей, и прежде всего греческой, закономерно присутствует в тех случаях, когда речь идет о конкретных церковных практиках, например, в «Спорных речах о единогласном пении» или в «Изложении о целовании икон»¹⁸.

Таким образом, в отличие от послания «кир Иакову» по грамматическим вопросам, обращения «грешного Агафоника» к архиепископу Серапиону и митрополиту Никону — это памятники публицистики, они затрагивают реальные проблемы, которые обсуждались в кругах ревнителей благочестия и которые в конце концов были вынесены на обсуждение церковным собором 1651 г., утвердившим позицию боголюбцев в этих вопросах¹⁹.

¹⁷ Именно этот пассаж из послания митрополиту Никону, неверно истолкованный, послужил единственным основанием для отказа от атрибуции текста Стефану Внифантьеву в новейшей монографии, авторы которой сочли, что речь идет о путешествиях и паломничествах самого корреспондента, сведения о которых отсутствуют в биографии царского духовника (*Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия. С. 107). Выделенные в цитате строки ясно показывают, что автор ссылается на свидетельства паломников, побывавших в странах христианского Востока, и на свое собственное «самовидение» службы греческого патриарха Паисия в Москве.

¹⁸ См.: *Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия. С. 210; *Савельева Н. В.* О литературном наследии «ревнителей древнего благочестия».

¹⁹ В сохранившейся записке царя Алексея Михайловича с темами для обсуждения на соборе 1651 г. значатся в первых трех пунктах: единогласие, наречное пение, поклонение на восток в богослужении при чтении

До сих пор речь шла о жанрово-стилистических особенностях посланий и их соответствии позиции ревнителей древнего благочестия и реальным московским делам этого сообщества. Совокупность всех упомянутых фактов говорит о том, что личность автора этих посланий очень близка фигуре царского духовника. Распоряжение о публикации в Москве сочинений боголюбцев, находящихся в оппозиции к патриарху Иосифу, мог отдать только человек, разделявший позицию ревнителей благочестия и при этом имевший достаточно высокий статус и покровительство в придворных кругах. И таким человеком был именно Стефан Внифантьев, грекофил, образованный и начитанный священник, имевший влияние на царя, разделявший взгляды светских кругов (Федор Ртищев), способствовавших формированию в это время особенно тесных московских контактов с учеными мужами из Киевской митрополии.

Высказанные доводы представляются достаточно убедительными для того, чтобы считать автором двух посланий Стефана Внифантьева, однако они все-таки нуждаются в подтверждении какой-то текстологической аргументацией, имеющей обычно весомое значение в вопросах атрибуции. До сих пор таких аргументов не приводилось, но эту лакуну, по-видимому, можно восполнить.

В отличие от двух сходных подписей корреспондента «кир Иакова», подписи в посланиях архиепископу Серапиону и митрополиту Никону различаются тем, что помещены в разных контекстах. В первом случае имя корреспондента называется в этикетном молении о прощении за дерзновение: «Прочее, государю святой, святителю отче Божий, молит тя художие мое, грѣшнаго Агафонника ...» (РГБ, МДА 100, л. 341); во втором — имя вставлено в *credo* автора, подтверждающего словами Иоанна Златоуста свое убеждение в непреложности церковных традиций: «Христианин бо той есть, иже повинуется Божественному писанию и согласует. А иже с сими не согласует и противу сим борет, сей далече есть от правила сего²⁰. Слыши, святой владыко, пред Богом мя, грешнаго Агафоника, себѣ извѣщавающа, яко христианин есмь и быти хочу, всею душею моею божественному писанию повинуюся и сему согласую и слушаю, а противу сим боритися не хочу» (РГБ, ОР 180, л. 196–196 об.). Так что единообразия и, соответственно, ключа к распознаванию автора подпись «грешного Агафоника» не имеет.

Но такой ключ, который может подтвердить атрибуцию посланий Стефану Внифантьеву и, возможно, позволит прояснить выбор им литературного псевдонима Агафон (Агафоник), можно найти в первых строках этих текстов. Оба послания начинаются почти дословно совпадающими (с погрешностями списков) двухчастными прескриптами, которые различаются только вставкой соответствующего имени.

псалмов и молитв, см.: Белокуров С. А. Деяние Московского церковного собора 1649 года (Вопрос о единогласии в 1649–1651 гг.) // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 4. С. 48–49.

²⁰ На полях рукописи отсылка к киевскому изданию: «На Деяния нрав. 33, лист 309», см.: *Иоанн Златоуст. Беседы на деяния Святых Апостол.* Киев, 1624. С. 309.

Послание Сузальскому архиепископу Серапиону	Послание Новгородскому митрополиту Никону
<p>Благочестивѣйшему пастырю Христова стада душ словесных овец и по догматѣхъ благочестивыя наша христианския вѣры крѣпкому, паче же реку, истинному побарателю, седьмостолпнымъ законоуоставлениемъ утверженному, богоносныхъ и святыхъ отецъ иже на седми вселенскихъ соборѣхъ бывшихъ правила, паче же и сего святыхъ славныхъ и всехвалныхъ апостол, великому господину преосвященному Серапиону, архиепископу Сузальскому и Торускому, радоватися.</p> <p>Аввы Дорофея, святой мой владыко, глас восприим, еже рече: «Прости мя, святой владыко, за продерзнутое»</p> <p>Зане зѣло ужасаюся душею, аще и хуждший, и сквернѣйший есмь и всѣхъ окаяннѣйший. И велий мя страх обдержит, аще и не хотящу ми, но убо аки некая нужда понуждает мя святителству твоему извѣстити... (РГБ, МДА 100, л. 321–321 об.)</p>	<p>Благочестивѣйшему пастырю Христова стада душ словесных овец и по догматѣхъ благочестивыя наша христианския вѣры крѣпкому побарателю²¹, седьмостолпнымъ законоуоставлениемъ²² утверженному, богоносныхъ и святыхъ отецъ иже на седми вселенскихъ соборѣхъ бывшихъ правила, паче же во истинное благочестия и сего благолюбомудрие же и утвержение, и извѣщение святыхъ славныхъ и всехвалныхъ апостол, великому господину преосвященному Никону, митрополиту Великаго Новаграда и Великихъ Лук радоватися.</p> <p>Аввы Дорофея, святой мой владыко, глас восприим, еже рече: «Прости и моли о мнѣ». Тако и ты, святой мой владыко, прости и моли о мнѣ за продерзнутое неразумия моего, аще что не угодно ти явится отъ воспоминания моего в слуха твоя. Зане зѣло убо ужасаюся душею, святой мой владыко, аще и хуждший, и сквернѣйший есмь и всѣхъ человекъ окаяннѣйший. Но велий мя страх обдержит, аще и не хотящу ми, но убо аки некая нужда понуждает мя рещи боголюбию твоему и святителству твоему извѣстно сотворити... (РГБ, ОР 180, л. 168–168 об.).</p>

Первая часть прескрипта содержит этикетную похвалу и приветствие адресата, вторая объясняет нужду корреспондента, который, несмотря на предписанное учением смирение, дерзнул обратиться со своим писанием. В обоих текстах вторая часть прескрипта начинается с цитаты из поучения аввы Дорофея о смиреномудрии и необходимости прежде всего просить прощения во всякой ситуации²³.

Такое выражение авторского смирения, подкрепленное словами аввы Дорофея, — элемент стиля Агафоника, в нем просматривается литературная манера, определенное клише корреспондента, которое могло использоваться и в других его посланиях. А потому кажется уместным вспомнить здесь слова из ответного письма Ивана Неронова от 27 февраля 1654 г. на не дошедшее до нас послание к нему Стефана Внифантьева: сетуя на увещания корреспондента быть смиренным и примириться с патриархом Никоном, Иван Неронов пересказывает текст послания Стефана Внифантьева: «Авву же Дорофея воспоминал еси, смиреномудрию учаща нас,

²¹ Изначальное чтение: «люборачителю» отмечено знаком правки, нужное чтение записано на поле той же рукой киноварью.

²² Вписано поверх первоначально вычеркнутого чтения: «утвержением».

²³ Ср.: «Рече некто от старец: Прежде всего требую смиреномудрия, готови суще противу всякому словеси, егоже слышим, глаголати: “Прости”...» (Сл. 2); ср. также: «...поклонися со смирением, глаголя ему “Прости мя и моли за мя”...» (Сл. 18); см.: *Ефрем Сирий. Поучения. Авва Дорофей. Поучения*. М.: Печатный двор. 1.1.1652. Л. 29 об., 140 2-го сч.

и еже “Прости, согреших”, глаголати при всем...»²⁴. Представляется, что эта параллель не случайна и может служить дополнительным аргументом к отождествлению автора двух посланий «грешного Агафоника» с царским духовником Стефаном Внифантьевым — центральной фигурой в московской истории деяний ревнителей благочестия и, по-видимому, в литературно-публицистическом выражении чаяний боголюбцев.

Если принять эту атрибуцию, то следует признать, что использование Стефаном Внифантьевым литературного псевдонима, с одной стороны, несомненная новация в литературной культуре XVII века, с другой — мера, к которой вынужден был прибегнуть автор, следуя нормам придворного этикета. Служители московских кремлевских храмов имели особый статус и положение по сравнению с другим приходским клиром, даже формально это предопределялось практикой назначения их на служение не патриархом, а непосредственно царем. Образовательный ценз дворцового духовенства был значительно выше чем у клириков других храмов²⁵. Особое место среди кремлевских клириков занимали служители Благовещенского собора, из числа которых царем выбирался духовный отец. Без действий духовника не происходило ни одно значимое событие в жизни государя. Он участвовал во всех обрядах, связанных с женитьбой государя и рождением детей, он принимал самое непосредственное участие в церемонии венчания на царство. Фактически он становился самым близким государю человеком и в той или иной степени был вовлечен во все дела государственной и церковной жизни. При этом не последнюю роль играли в отношениях с государем личные качества духовного отца, которые диктовали и отношение к нему в придворных кругах и в кругах высшей церковной иерархии²⁶.

Мог ли человек, принимающий самое непосредственное участие во всех земных делах царя и окормлявший его духовно, открыто заявлять о своей позиции в противостоянии царя и патриарха Иосифа, противостоянии, которое было инициировано, судя по всему, им самим? Откровенно публицистический характер посланий, если бы они были подписаны, мог бы расцениваться как прямое свидетельство этого конфликта, как прямое выступление оппозиционера, выражающего волю царя. Письма царского духовника, даже адресованные служителям, стоявшим выше него в церковной иерархии, не могли не восприниматься как рекомендательные послания, излагающие волю самого государя. Именно поэтому, вероятно, они не могли быть открыто подписаны личным именем Стефана Внифантьева. Потребность в его публицистических заявлениях следовало утаить, вместить в рамки некоей литературной игры, элементом которой и мог быть псевдоним, выполнявший этикетную функцию, хотя и был, скорее всего, «секретом Полишинеля».

²⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 75.

²⁵ *Извеков Н. Д.* Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке: Церковно-историко-археологическое исследование. М., 1906. С. 83–84, 87 (Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. 2).

²⁶ Там же. С. 97–98.

Среди протопопов кремлевского Благовещенского собора, имевших статус государева духовника в XVI–XVII вв., были выдающиеся личности, образованные, начитанные и владеющие литературным даром. К ним относится и духовник Ивана Грозного Андрей (в монашестве Афанасий; 1550–1562, с 1564 года митрополит Московский и всея Руси), который составил по заказу царя Житие прп. Даниила Переяславского, описал последние дни жизни, кончину и погребение митрополита Макария, трудился над составлением Степенной книги и, возможно, Лицевого свода²⁷. Агиографический свод о почитаемых новгородских святых создал по просьбе царицы Евдокии Лукияновны духовник царя Михаила Феодоровича протопоп Максим (1618–1633, с 1638 года архиепископ Рязанский и Муромский)²⁸. И, наконец, выдающейся личностью был духовник царя Алексея Михайловича в последние годы его жизни протопоп Андрей Савинович Постников (25 марта 1666 — март 1671) — книгописец и переводчик духовных сборников с польских оригиналов, фигура абсолютно контрастная Стефану Внифантьеву и отчетливо представляющая перемены в московской жизни, в московской барочной культуре²⁹. Несмотря на незаурядность этих личностей и созданные ими памятники литературы, никто из них не выступал с такими яркими публицистическими обращениями и не обладал таким полемическим настроением, какой можно видеть в борьбе Стефана Внифантьева за сохранение церковного благочестия и в согласующихся с его деяниями посланиях «грешного Агафоника». Исключением здесь может считаться благовещенский священник Сильвестр — выдающийся книжник, полемист, автор посланий, Жития княгини Ольги, автор или составитель «Домостроя», владелец келейной библиотеки. Существует мнение, что он мог быть вторым духовником Ивана Грозного в 1649–1650 гг., но это мнение неоднозначное, сведения о личности и позиции Сильвестра при дворе Ивана Грозного весьма противоречивы³⁰. Таким образом, существование определенного табу на публицистические высказывания царского духовника, которые могли повлиять на ситуацию во взаимоотношениях светской и духовной власти, вполне допустимо.

Принимая гипотезу о том, что «грешный Агафоник» — псевдоним корреспондента посланий архиепископу Серапиону и митрополиту Никону, можно вписать его использование в систему литературной игры, заданной прескриптом к этим посланиям. Наименование Агафон (*ἀγαθός* — благой, добрый) или Агафоник (*ἀγαθός, νίκη* — благопобедный, благопобедитель), если признавать его номинативом в греческом

²⁷ Покровский Н. Н. Афанасий (в миру Андрей) // СКиКДР. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А-К. С. 73–79; СПб., 2012. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. С. 20–29.

²⁸ Каган М. Д. Максим (во иночестве Моисей) // СКиКДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И-О. С. 323–326.

²⁹ Извеков Н. Д. Духовник царя Алексея Михайловича протопоп Андрей Савинович Постников // Христианское чтение. 1902. Т. 213, ч. 1. С. 126–139; Белоброва О. А. Андрей Савинов Постников // СКиКДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А-З. С. 86.

³⁰ Булантин Д. М., Колесов В. В. Сильвестр (во иноках Спиридон) // СКиКДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л-Я. С. 323–333; СПб., 2012. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. С. 353–357.

варианте, а не уменьшительной формой от первого, вряд ли следует считать загадкой, которую можно раскрыть этимологизацией личного имени: эта расшифровка не очевидна и не несет информации, соответствующей образу корреспондента. Но если признать, что автор «скрывается» за именем реального человека, то среди немногочисленных святых с таким именем, называемых русским месящесловом³¹, находится преподобный пустынный, агиотип³² которого согласуется с литературным образом автора, этикетно представленном в прескрипте. Это преподобный Агафон Скитский, египетский пустынножитель, подвизавшийся в V в. Согласно сохранившимся источникам, он отличался необыкновенным смирением и незлобием; свидетельства мудрости и добродетели святого приводятся в «Апофтегмата патрум»³³. На деяния и изречения святого Агафона неоднократно ссылается и авва Дорофей, одно из таких изречений, в котором учитывается опыт святого Агафона Скитского, приводится и послании «грешного Агафоника» митрополиту Никону: «А гордость всякому злу вина, якоже глаголет святыи авва Дорофей» (л. 171 об.)³⁴.

В заключение добавим еще один штрих к образу Стефана Внифантьева как просвещенного наставника, обладающего познаниями книжной премудрости и литературным даром. Одна из замечательных новейших находок, связанных с личностью Стефана Внифантьева, — его келейная книга — Евангелие учительное. М.: Печатный двор, 12.06.1652 — с собственноручной записью царского духовника:

«Книга / Христова / Евангелие / протопопы / Стефана / Внифантьева / келейное. / И кто станет / сию книгу / держати у себя, / и тому поучатися закону / Господню день и ночь / по сей книги, / а за нас по [ней] Бога молить / и родители наши помянуть / незабвенно спасения ради своего / и братию нашу ползавати / всѣх послушающихъ. / Аще кто святыхъ книги / чтет, з Богомъ беседует, / и слушающихъ» (л. 1–42)³⁵.

³¹ В русском месящеслове называются несколько святых, носивших это имя: 22 авг. ст. ст. — никоимидийский мученик Агафоник, принявший смерть за Христа при императоре Максимиане (284–305); 20 февр. — преп. Агафон, папа римский (678–681); 2 марта — преп. Агафон Скитский; 28 авг. — преп. Агафон Печерский, поминаемый вместе с другими преподобными, почивающими в Киево-Печерском монастыре, в Феодосиевых (дальних) пещерах. Возможно, именно редкость имени святого позволила автору использовать его в качестве псевдонима — уподобления образу одного из них.

³² О термине см.: *Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534; здесь же наиболее полная библиография по теории, поэтике и стилистике именованного в литературном обиходе, в том числе в древнерусской письменности. См. также: *Мароши В. В.* К проблеме синкрисиса имени автора в древнерусской литературе // Культура и текст. Барнаул, 2013. №2. С. 104–117.

³³ *Грацианский М. В.* Агафон Скитский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 245; см. также: *Veder W. R.* The Scete Patericon: Introduction, Maps and Indices. Amsterdam, 2012. [Т. 1]. P. 251, 344, 381–382, 409 and oth. by index (Pegasus Oost-Europese Studies. Vol. 12).

³⁴ На полях рукописи глосса: «лист 36 и 37», проставленная копиистом по московскому изданию, см.: *Ефрем Сирий.* Поучения. *Авва Дорофей.* Поучения. М.: Печатный двор, 1.1.1652. Л. 36–37 2-го сч. На этих листах находится 2-е поучение аввы Дорофея «О смирennemудрии», в котором излагаются изречения скитских отцов, и, в частности, рассказ о кончине аввы Агафона (читается также в Прологе под 2 марта).

³⁵ См.: *Белянкин Ю. С.* Неизвестный автограф Стефана Внифантьева. С. 70–71; текст записи цитируется по более точному ее прочтению Е. М. Юхименко см.: *От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества.* С. 55–56.

В этой записи не только «в духе московского кружка боголюбцев подчеркивается значение книжного учения и проповеди»³⁶, но и содержатся текстовые параллели к обоим посланиям «грешного Агафоника».

С одной стороны, в них неоднократно подчеркивается тема пользования ближних и пользы духовной, которая служит истолкованием слов Иоанна Златоуста:

«Зриши ли христианства основание, якоже бо художника дѣло есть, еже назидати, тако и христианина, еже всѣми *искренняго ползовати*» (РГБ, МДА 100, л. 325)³⁷;

– «Видиши ли, святыи владыко, како Павел апостол, и Златоустый Иоанн к ползѣ вся творити повелѣвають и к созиданию ближняго исправлению. Кая же полза получити предстоящим в церкви людем во время божественнаго пѣнія, егда в гласа два или три, и множае вдруг говорят — никакo ничесого, точию шум всуе и без ползы, и пагуба с великим грѣхом» (РГБ, МДА 100, л. 326);

– «Что убо нам, святыи владыко, которая полза и приобрѣтение, еже обращаяся / лицом от Спасова образа и от востока, паче же рещи по пророку, от самого Бога, на запад глаголати псалмы» (РГБ, ОР 180, л. 176 об.).

С другой стороны, тема прямого обращения христианина к Богу, беседы с Богом для получения спасения душе, также присутствует в публицистике ревнителей благочестия и, в частности, в послании Агафоника, в том месте, где он приводит архиепископу Серапиону Суздальскому доводы от правил Стоглавого собора:

– «Всяк правоверный со вниманием сердечным и со страхом Божиим моляся, такоу с Богом беседует» (РГБ, МДА 100, л. 331 об.–332)³⁸.

Таким образом, вопрос об атрибуции посланий «грешного Агафоника» напрямую связан с придворной жизнью середины XVII века, с московскими событиями, отраженными в публицистике ревнителей древнего благочестия. Насколько убедительны и достоверны доводы, приведенные в подтверждение создания Стефаном Внифантьевым двух памятников эпистолярной публицистики, адресованных церковным иерархам и провозглашающим идеи боголюбцев, возможно, покажет дальнейшее изучение наследия ревнителей благочестия — литературного явления, стоявшего у истоков публицистики раннего старообрядчества.

³⁶ От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества. С. 56.

³⁷ *Иоани Златоуст.* Беседы на 14 посланий Святого Апостола Павла. Киев. 1623. Стб. 1002.

³⁸ Любопытно, что запись Стефана Внифантьева на келейной книге дословно воспроизводит слова «Повести временных лет» о почитании книжном, вложенные в уста Ярослава Мудрого (под 1037 г.), по Ипатьевскому списку: «Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости <...> прилежно, то обрящеши великую ползу души своей. Иже бо часто кто четь книги, то бесѣдуетъ с Богомъ или святыми мужьми. Почитая пророчькия бесѣды, еуангелская учения и апостолская, и житяя святыхъ отецъ <...>, восприемлетъ душа ползу велику» (см.: Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова) // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 194). Случайно ли это совпадение, принадлежит ли текст словам летописца или не найденному пока источнику, отражающему достаточно общую мысль о пользе книжного чтения, с достоверностью сказать невозможно.